

КРУГОЗОР

Г. ЕЛИСЕЕВ,
секретарь ЦК ВЛКСМ

«Есть большое человеческое удовлетворение в том, чтобы приехать на новое место, начать жизнь с палатки, а потом сказать себе: этот город, этот завод я строил, он вырос на моих глазах». Эта мысль Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева обращена прежде всего к молодым. Новые точки на карте всегда притягивали к себе молодежь. Каждое поколение гордится своими победами. Вспомните: Магнитка, «Ростсельмаш», Днепрогэс, Комсомольск-на-Аму-

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПУТЕВКА

ре... Наши первые стройки. Первые победы. Они одержаны при помощи лопат, кирок, тачек. Человеческий энтузиазм, которым горели юные строители, словно эстафета, передавался новым поколениям. Понятия «ударная стройка», «комсомольский призыв», «путевка», «молодежная бригада» прочно вошли в наше сегодня.

Биографии многих, ныне известных всей стране героев труда начинались именно с нее — с комсомольской путевки. В этом алом листке бумаги заключен огромный смысл.

Молодежный союз дает своему члену комсомольское поручение. Самое почетное поручение — строить. Учиться и строить. И от убежденности в общественной значимости этого поручения происходит социальный оптимизм нашей молодежи, ее вера в будущее.

Продолжение на стр. 4

СПОРТИВНАЯ ДОБЛЕСТЬ

В Мюнхене Валерий Борзов получил две золотые олимпийские медали. Стометровку он пробежал за 10,14 секунды. Чиркните спичкой и дождитесь, когда она сгорит. Вот вам и десять секунд. Но те десять секунд, что отсчитал на Мюнхенском олимпийском стадионе электрохронومتر фирмы «Омега», и победа на двухстах метрах вместили очень многое. Свершился дерзкий переворот, который, не сомневаюсь, войдет в историю спорта.

Десятки лет в истории олимпийского бега на короткие дистанции чемпионами в подавляющем большинстве были бегуны США. Очень редко на олимпийском небосклоне всходили и неамериканские звезды. Но ни разу ни одному европейцу не удавалось на одной Олимпиаде победить сразу на обеих спринтерских дистанциях. На Мюнхенской олимпиаде американский спринт оказался низложен, впервые титул «самого быстрого человека планеты» был присвоен советскому спортсмену.

Вы помните
эти секунды?
Олимпийский
стадион
под фанта-

стической акриловой крышей-паутиной. Возбужденные, назлектризованные зрители. Согнутые спины бегунов в разно-

цветных майках, словно напрягшиеся сжатые пружины. Синий дымок и звук выстрела, от которого вздрогнули все — сто тысяч зрителей на стадионе, миллионы телеболельщиков. И клин спринтеров, похожий на разгон реактивного истребителя, нарастающий рев трибун... И мы вдруг поняли: победитель — в красной майке! Вскинутые вверх руки Борзова. Счастье на лице...

Его бег и эта победа явились завершающим звеном многолетнего научного эксперимента, решающим доказательством в утверждении истины: спринт — это наука! Именно так считают Борзов и его тренер кандидат биологических наук Валентин Васильевич Петровский.

...Начало этому эксперименту было положено восемь лет назад, когда они впервые встретились на стадионе в городе

Львове. «Бег десятиклассника из Новой Каховки произвел на меня большое впечатление, — вспоминает Петровский. — Бег мощный, пружинистый, широкий... Словом, в Валерии я увидел тогда податливую глину, из которой смогу «лепить» свою мечту — идеального спринтера. Я подошел к нему и предложил тренироваться у меня, тем более что об этом просил в своем письме из Новой Каховки тре-

нер Валерия Б. И. Войтас». «Знакомство наше началось с курьеза, — вспоминает Валерий. — Ко мне подошел незнакомый человек с предложением тренироваться у него. Нет, отвечаю, буду тренироваться только у Петровского, не подзревая, что передо мной он».

Итак, эксперимент начался. Суть его в том, что, заключив союз, учитель и ученик решили доказать, что в успехах аме-

Киевского института физкультуры. Потом бег их расчленился на фазы, фигурки бегунов выстраивались в затылок друг другу, получался своего рода беговой спектр, который подвергался тщательному анализу. На основе этого анализа была математически рассчитана «модель» идеального спринтера.

Когда бег был воплощен в математические формулы и модель бегуна «Бор-

ДИССЕРТАЦИЯ... НА СТАДИОНЕ

зов-72» была рассчитана, научно обоснована, тренер и ученик стали претворять цифровые выкладки в жизнь. Это была работа тонкая и филигранная, похожая на тренаж балерины, ищущей единственно верное и законченное движение.

Уже в 1969 году Петровский заявил, что в Мюнхене Валерий Борзов станет олимпийским чемпионом. Он знал, что говорил...

Впрочем, закончен ли эксперимент? Он продолжается! Аспирант Валерий Борзов под руководством доцента Петровского работает над диссертацией о спринтерском беге. Главным объектом исследования олимпийский чемпион избрал... самого себя. На тренировки он приходит с приборами и датчиками. Защищать диссертацию Валерий будет не только на институтской кафедре, но и в какой-то степени на олимпийском стадионе в Монреале.

Михаил БЛАТИН,
спортивный обозреватель
«Комсомольской правды»

Что помогло Валерию Борзову достигнуть олимпийских высот — врожденный талант, трудолюбие, наука? Об этом рассказывает сам олимпийский чемпион на третьей звуковой странице, подготовленной специальным корреспондентом «Кругозора» Валентином Манионом.

Олимпийская медаль В. Борзова — Мюнхен, 1972 год. И ее обратная сторона — Киев, Институт физкультуры.

Фото Д. Бальтерманца, И. Шаньского.

риканских спринтеров нет ничего мистического, что дело не в «золотых ногах» суперзвезд американского спорта и что парень с берегов Днепра может бегать ничуть не хуже родившегося на Миссисипи. Надо только его научить.

Начали с кинограмм. Лучшие спринтеры мира от Джесси Оуэнса до Томми Смита раз за разом мчались по маленькому матерчатому экрану в темной лаборатории

Имя норвежского ученого Тура Хейердала не менее популярно у нас в стране, чем имена Нансена или Амундсена. Обаяние, доброта, честность, целеустремленность, великое трудолюбие и упорство раскрывают перед Хейердалом не только научные тайны, но и сердца людей.

Всемирно известны его экспедиции на бальсовом плоту «Кон-Тики», открытия на островах Галапагос и Пасхи, путешествия на папирусных лодках «Ра».

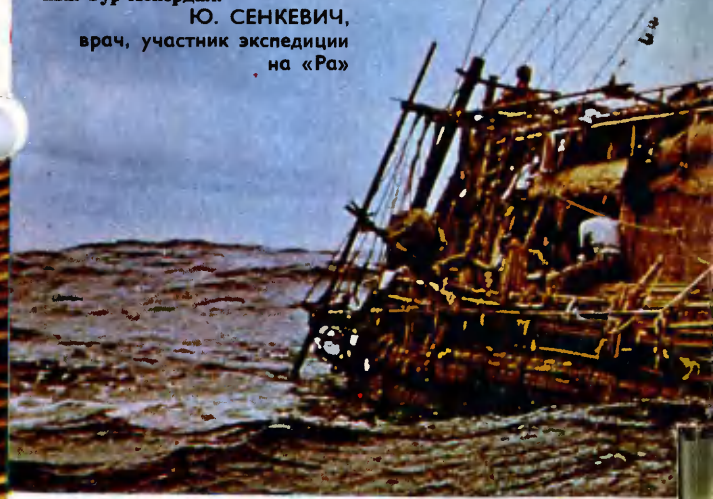
Хейердал — этнограф, археолог, антрополог, историк и географ. В 1969 году он решил доказать, что путь из Африки в Америку был, возможно, открыт задолго до Колумба. Ученые давно думали об этом, потому что удивительное сходство древних цивилизаций Средиземноморья и Центральной Америки трудно объяснить простым совпадением. Но каким кораблем могли воспользоваться древние мореплаватели? Ясно, что не деревянным, поскольку деревянные корабли появились в Новом свете только с приходом европейцев. Неужели древние могли воспользоваться лодкой из папируса? На этот вопрос все ученые отвечали отрицательно: такой корабль слишком примитивен и ненадежен. Кроме того, папирус гниет в морской воде, как и любая трава. Хейердал не считает папирусную лодку примитивной, ведь могли же египтяне посылать на таких лодках своих посланцев в заморские страны. Именно папирусную лодку избрал Хейердал, чтобы доказать, что трансатлантические путешествия были возможными в доколумбову эпоху.

В мае 1969 года от марокканского берега стартует первая экспедиция «Ра». Экипаж из семи человек — представителей разных стран: норвежец, итальянец, американец, русский, египтянин, негр, мексиканец. «То, что объединяет человечество, является естественным и должно поощряться, то, что разъединяет людей, искусственно и должно быть преодолено» — таково убеждение Хейердала. Первая экспедиция терпит неудачу. В 900 километрах от Америки экипаж покидает полуразвалившийся травяной корабль. Что же это? Крах идеи? Значит, папирусная лодка не мореходна? «Нет, — говорит Хейердал, — ведь мы прошли в океане более 5 000 километров, это гораздо больше, чем кратчайший путь из Африки в Америку. Лодку надо уметь строить!»

В мае 1970 года стартует экспедиция «Ра-2». На новой лодке, построенной с учетом допущенных ошибок и приобретенного опыта, интернациональный экипаж пересекает Атлантический океан, пройдя путь 6 300 километров за пятьдесят семь дней.

Теперь Хейердал уверен: путешествия через Атлантику в глубокую древности были возможны. Нужно доказать, что такие контакты были. Именно этим и занят сейчас норвежский ученый Тур Хейердал.

Ю. СЕНКЕВИЧ,
врач, участник экспедиции
на «Ра»

Тур Хейердал показывал на последнем кинофестивале в Москве свой фильм «Ра». Я никогда раньше не видел Хейердала. В полутемном коридоре гостиницы «Россия» мне показали: «Вот он». Высокий человек со светло-рыжими ресницами подошел к дежурной по этажу и сказал: «Не забудьте, пожалуйста, чтобы подкрахмалили воротничок».

Норвежец стал звездой фестиваля. И недаром. Он был героем, актером и создателем хроникальной ленты об удивительном подвиге в истории науки нашего столетия. Корреспонденты проходили перед Хейердалом «чредой». После фантастических путешествий вопрос о планах не казался ни банальным. В воображении выстраивались жизненные вехи Хейердала.

МУЗЫКА "РА"

6

ла в виде низеньких мачт бальсового плота и папирусных лодок. Низенькие мачты, оказавшиеся «выше пирамид». Когда и я спросил его: «Что же дальше?» — он ответил:

— Пока книги. Во-первых, монография об искусстве острова Пасхи. Описано все, что можно было найти на самом острове, в музеях и библиотеках всего мира. Работаю и над трудом о культурных параллелях между Старым и Новым светом. Третий замысел отчасти возвращает меня к первой книге — «В поисках рая», размышлению о некоторых проблемах природы и цивилизации. Но не с точки зрения 24-летнего студента, отправившегося в свадебное путешествие в Полинезию в поисках рая. С позиций человека, которому скоро шестьдесят.

Юмор и печаль ранней книги Хейердала вспоминались отчетливо. Родные острова не были для полинезийцев раем. Тогда, в тридцать восьмом году, как и в последующих путешествиях, ученый упорно и все более пристально вглядывался в прошлое человечества. «Почему?» — спросил я его.

— В наш век трудно что-нибудь открыть за географическим горизонтом. Ежели вы космонавт — можете подняться в космос. Но на земле безгранично открывать можно, лишь исследуя прошлое. Три тысячи лет назад человек был таким же, каков он теперь. Его опыт может нам пригодиться. К счастью, в наше время мы не стесняемся спрашивать друг у друга. Белый учится у людей с черным, желтым и красным цветом кожи. Такой ход вещей оптимистичен. Но предстоит одолеть другой предрассудок — высокомерие по отношению к предкам.

Хейердал упомянул об изумительном мастерстве индейцев, вязавших «Ра-2». Их опыт протянулся к нам из далеких глубин времени. «Они дали голос нашей лодке», — сказал он. Так мы подошли к звуковому рисунку путешествия на «Ра», который в фильме редко был строго документальным. Почти вся картина шла на фоне музыки «кинопутешественнического» характера. Отношение же самого Хейердала к музыке и к звучащей природе, по-видимому, было иным. Он рассказывает об этом на звуковой странице, которую назвал «Музыкой «Ра».

Артем ГАЛЬПЕРИН

На фото С. Ветрова Ю. Сенкевич и Т. Хейердал.

Всесоюзные ударные комсомольские стройки

Посмотрите на карту строек девятой пятилетки... За минувшие три года комсомол шефствовал почти над четырьмястами важнейшими объектами. Алые флажки можно увидеть вблизи знаменитого тюменского меридиана, где осваиваются нефтяные и газовые месторождения; на Волге и Кане — у новых автоградов; в Сибири — на Красноярской и Саяно-Шушенской ГЭС; в Средней Азии и на Дальнем Востоке...

Комсомольские стройки стали начальной строкой биографии миллионов юношей и девушек. По своей сути стройки созвучны стремлению молодых к новому,

к романтике подвига. Они помогают не только получить профессию и встать на ноги. В горниле жизненных испытаний закаляются характеры, проверяется прочность нравственных начал, воспитывается убежденность; здесь молодые люди обретают гражданскую зрелость.

Демобилизовавшись из армии, комсомолец Николай Волков приехал на строительство Запсиба. Получил специальность бетонщика. Строил бетонные заводы, мастерские. Вскоре молодой рабочий возглавил бригаду. Закончил вечерний техникум. Высокая трудовая дисциплина, творческое применение достижений нау-

ки и техники. постоянная учеба позволили молодежному коллективу стать инициатором массового движения «Пятилетку — в четыре года, пятидневку — в четыре дня!». С первых дней работы на Запсибе Волков ведет большую общественную работу. Товарищи избирают его группкомсоргом, членом комитета ВЛКСМ, затем членом парткома стройки и, наконец, членом Новокузнецкого горкома КПСС. Мы гордимся тем, что грудь воспитанника комсомола украшает золотая медаль Героя Социалистического Труда.

Я сознательно остановился на биографии Николая Волкова, внешне, казалось бы, ничем не примечательной. Действительно, нет в ней и намека на красивый героизм. Но, на мой взгляд, она отмечена героизмом повседневности, героизмом будней. И этим похожа на другие.

Около трехсот тысяч юношей и девушек в нынешней пятилетке уже уехали на новые стройки. Что же движет ими? Романтика? Желание обрести самостоятельность? И это, конечно. Но прежде всего — высокое чувство долга, чувство хозяина страны!

Руки молодых строят новые заводские корпуса, устанавливают геологоразведочные вышки, возводят плотины... На каждый новый день пятилетки ставит новые задачи, называет новые адреса строек. И нынешние выпускники средних школ, демобилизованные воины, перепиывают их в записные книжки. Куда же отправятся эти романтики завтра, где нужны их руки? Это и Новолипецкий металлургический завод, это и Ленинградская и Кольская атомные электростанции, это и Березниковский калийный, Черкасский химкомбинаты, это и Старопольская и Рязанская ГРЭС... И многие другие точки на картах комсомольских ударных строек. В добрый час, друзья!

Самые памятные дни в жизни Файзулло Ашуралиева, экскаваторщика, депутата Нурекского горсовета, члена ЦК комсомола Таджикистана, связаны со строительством уникальной ГЭС в Пулисанинском ущелье. На звуковой странице, подготовленной специальным корреспондентом «Кругозора» Валентином Скорятым, — фотодокументы из Госархива Таджикской ССР и рассказ Ф. Ашуралиева о себе и о стройке.

Участники VII Всесоюзного фестиваля молодой поэзии в Кутаиси Сергей БОБКОВ ОДНА СТРОКА

Душа тайги спокойствием пьяна.
Волна играет светом, как захочет,
Сухой Тунгуски вольная волна
Бьет в небеса и, как шаман, бормочет.
Куницей изогнулась и пошла
Плясать вдоль скал и мох лизать олений
И вдруг сползла с ленивого весла
Подобьем разварившихся пельменей.
Веками негодую на порогах,
Мчит в русле твердом все ж таки река —
В сибирском эпосе, ни мало и ни много,
Одна, но несказанная строка!

Валерий КРАСНОПОЛЬСКИЙ НА ПИСКАРЕВСКОМ КЛАДБИЩЕ

Суровая зима,
как в тяжкий год блокады,
А я стою в снегу меж леденящих плит...
На плитах только год
блокады Ленинграда,
А тысячи имен тепло земля хранит...
Здесь сердце бьет сильней,
сжимаясь от ударов,
И хоть трещит мороз,
здесь тысячи цветов...
Ответь же мне, Земля, —
Какой должна быть кара
За кладбище сердец,
за миллионы вдов?
Все это не простить,
хоть лет прошло немало,
Я позже был рожден,
но не могу простить:
Ни тех, кто вновь готов
все повторить сначала,
Ни тех, кто, улизнув, мечтает —
только жить...

Стасис ИОНАУСКАС

Мураву-траву рососою
С вечера не обдаёт.
Закурилась рожь пыльцою,
Значит, близок обмолот.
Время словно замирает.
Замирает звездный дождь,
И луна полной сияет,
Словно свет ей занимает
Созревающая рожь.
Не ищи ты ничего в нем,
В том свечении заёмном —
Это не твоя тропа.
Мудрость высшего порядка —
В деревянной рукоятке
Наостренного серпа.
Свет такой увидишь после
Ты на третьем сенокосе,
Отдыхая у межи,
Где с суровой отвагой
Ржавь с себя смывают влагой
Стебельки озимой ржи...

Перевел с литовского П. М е л и х и н

Вера ГРИШИЛОВА

Куют мечи, а кузница отзвучивая, гулкая,
Тяжелым звоном вызвенит
свой утренний набат.
А кузнецы плечистые, веселые, речистые
Вбивают душу жаркую в дымящийся металл.
Да так поверхность выстудят,
что замерзает иссиня.
Но будет! Время вызреет!
Взлетят мечи, закружатся,
Проглянет сердцевинушка,
кипящая в мече.
Холодное оружие
Бывает ли вообще?

Два ветерана Отечественной войны, два человека, чьи боевые пути сошлись впервые, пожалуй, на пороге «Кругозора».

Владимир Васильевич Карпов. Бесстрашный разведчик, ухитрявшийся добывать «языки», когда это казалось абсолютно невозможным, уносивший из-под носа у гитлеровцев оперативные планы тщательно разработанных операций. Боец, оставшийся в строю, ибо и теперь его писательское перо служит родной армии...

ЮНОШЕ ОБДУМЫВАЮЩЕМУ ЖИТЬЕ

Видел как-то в кинохронике сюжет: очередной призыв в армию. Крепкий паренек, сияя белыми зубами, говорил нарочито бодрым голосом:

— Я очень счастлив, что сегодня начинается моя военная служба. Обещаю стать отличником боевой и политической подготовки...

Откровенно говоря, мне не понравилась эта сценка, показалась насквозь придуманной кинорепортером и неумело сыгранной призывником. В действительности все гораздо серьезнее и сложнее.

Парень, надевая военную форму, покидает родной дом, мать, отца, любимую девушку. Предстоящая служба ему неведома, в воображении рисуются всяческие трудности, которыми, подшучивая над парнем, пугали его уже отслужившие ребята. Кроме того, два армейских года — разве не могли бы они стать, скажем, годами трудового стажа, двумя курсами института? О том, что служба в армии — трудное дело, но счастье, парнишка поймет несколько позднее, как повяло это уже не одно поколение.

Тот, кто прошел армейскую школу, приобретает для мирной жизни — для работы, учебы, семьи — множество ценных человеческих качеств. Армия ведь готовит не только защитника Родины от врагов.

Вот, скажем, специальные военные знания, которые так легко отнести к категории «узкой пригодности». Военная техника сейчас весьма сложна, в ее основе — физика, химия, высшая математика, электроника, автоматика — науки, имеющие широкое, так сказать, мирное применение.

А физическая закалка? Я прослужил в армии двадцать пять лет, командовал полками и не раз видел, как солдаты-второгодки смеялись, разглядывая свои фотографии, сделанные в начале службы. Смеялись, разглядывая фотографии узкогрудых подростков, загорелые, здоровые парни в гимнастерках, распираемых буграми мышц.

В РАНИЦЕ СОЛДАТА

Фото
Л. Лазарева,
А. Лидова

Иван Иванович Лисов — кандидат исторических наук, мастер спорта, генерал-лейтенант, заместитель командующего советскими воздушнодесантными войсками, один из самых первых десантников в нашей стране. Он продолжает размышления В. Карпова на второй звуковой странице журнала, обращаясь к тем, кто впервые в жизни готовится надеть солдатскую гимнастерку, и к тем, кому завтра провожать сыновей на военную службу...

Это, разумеется, внешняя, легко замечаемая перемена. а как взвесить, оценить духовные, волевые, нравственные и психологические изменения, которые принесла служба?

Всем известна поговорка: «Каждый солдат носит маршальский жезл в своем ранце». Я даже написал роман, который и называется «Маршальский жезл». Смысл его сюжета не ограничивается простой схемой — каждый солдат может стать маршалом. Жизнь расширила пределы старого присловья. Советский солдат знает, что стоит на страже не только своей страны.

Его мастерство, боевая готовность сдерживают агрес- соров от авантюры, то есть наш солдат мыслит государственными, маршальскими категориями. И не случайно маршал и солдат называют друг друга одним словом — товарищ. Все мы — рядовые, офицеры, генералы — плоть от плоти своего народа. В этом единстве Ленин видел главную силу Советской Армии. И, ощущая в себе эту огромную моральную силу, солдат, снимая через два года военную форму, скажет, может быть, не перед кинокамерой и не корреспонденту газеты, а сам себе, в душе:

«Как я счастлив, что прошел такую замечательную школу, как много она мне дала и как я благодарен своим воспитателям!»

Владимир
КАРПОВ,
писатель,
Герой
Советского
Союза

Жарким июльским днем 1933 года Елена Васильевна Тимофеевская получила письмо от мужа из Севастополя: «Только сегодня выбрал время тебе написать, занят был разной организационной работой, беганием по учреждениям, знакомством с делом, наметкой плана работ с Сурковым, материальным устройством. Приняли нас с Сурковым очень хорошо. Это объясняется работой прошлого года, оставившей здесь заметный положительный след. Мои песни прочно сидят в репертуаре краснофлотского ансамбля. Нам дали две смежные комнаты в бывшем дворце Колчака (замечательной красоты): из окон вид на море, они выходят в сад. Поставили пианино ко мне в комнату для работы».

Широкоплечий, большой блондин на фоне синего моря, в лучах щедрого южного солнца, играющих в рыжеватых, шевелящихся от легкого ветра волосах, — вот таким сквозь долгие десятилетия вспоминается друзьям композитор Александр Александрович Давиденко, автор известных всем нам песен «Конница Буденного», «Море иростно стонало», «Нас побить, побить хотели».

...А Елене Васильевне припомнилось другое: промерзшая, голодная Москва. Она больна, к ней пришли друзья, студенты консерватории. Пили кипяток с хлебом, шумели, а перед уходом Шурика Давиденко «со значением» шепнул: «Леля, для вас под кошкой что-то есть». А под спящей кошкой лежала... подтаявшая плитка шоколада!..

ЗАПЕВАЛА ПЕСЕННИКОГО ПОЛКА

«Заметный положительный след» — эта случайная строчка из письма могла бы стать заглавием к книге о жизни и творчестве Александра Давиденко. Всею своею судьбой связан он с переменами, которые принесла революция.

Сирота, заводила всех мальчишек, Шура Давиденко был отдан дедам и бабушкой в духовное училище (здесь была ниже, чем в гимназиях). Единственная его отличная оценка — за музыкальные предметы. Способного мальчика уже с третьего класса назначили регентом учебного хора. Музыка он занимался и вне школы. А еще — увлекался театром. И часто можно было увидеть на спектаклях высокого светловолосого юношу, который в антрактах штудировал учебники.

Так от первых нот, первых диктантов и задач по гармонии в духовном училище — до красноармейской гимнастерки, до борьбы и победы, а потом занятия в Московской консерватории по классу Р. М. Глиэра...

Звонким, боевым, стремительным можно назвать время 20-х годов. Перед молодыми консерваторцами стояли задачи нового, невиданного искусства. Решил любую. Воспитание и образование первых советских музыкантов шло так: изучали творчество классиков и современников, фольклор и политические песни, спорили, экспериментировали. Дома, в классах, в кружках звучала музыка Прокофьева и Стравинского, Глинки и Мусоргского, Бетховена и Глиэра. А в творческих исканиях принимали участие и Станиславский, и Крупская, и Горький. И по праву «заводелой» признавали организатора «производ-

ственного коллектива» Александра Давиденко. Его авторитет его энергия, его страстная убежденность во многом определили круг задач и интересов композиторской молодежи того времени. Единомышленниками Давиденко были Д. Кабалевский, М. Коваль, И. Держинский, В. Белый, Б. Александров, Б. Шехтер, З. Левина, А. Хачатурян... Сейчас даже невозможно себе представить время, когда еще не существовало массовой советской песни. А ведь так было. И не случайно Д. Шостакович считает А. Давиденко первым создателем советских хоровых песенных плакатов, первым и, пожалуй, единственным.

Давиденко интересовало все, что было связано с хоровой культурой. Он ездил в деревню, изучал русскую крестьянскую песню и даже руководил там самодеятельностью МТС. В 1925 году с фольклорной экспедицией ездил на Кавказ. Через «Всероссийское общество политических каторжан и ссыльнопоселенцев» записывал малоизвестные революционные песни.

На пятой
звуковой
странице
поэт
Алексей
Александрович
Сурков
вспоминает

своего
ровесника
и товарища
по песне
Александра
Давиденко..

Своим энтузиазмом Давиденко мог зажечь зал, «поднять» на песню колонны демонстрантов и участников тысячного митинга. Недаром многие в песне сравнивали его с Маяковским в поэзии. Он очень интересно работал с хором, вспоминает один из друзей Давиденко, М. Нахимовский: «У него были особые, образные выражения, очень понятные, запоминающиеся. Так, в своем хоре «Море иростно стонало» он просил альтов сделать вначале маленькое портаменто, «соскользнуть», а в «Первой Конной» советовал держать подголосок на ниточке: дирижировал он несколько нескладно (уж очень длинные у него были руки), но необычайно выразительно. Участники хора внимательно смотрели «на руку» и неизменно чутко реагировали на жест».

Планов у Давиденко было очень много. Мой отец — поэт А. А. Сурков — рассказывал мне, как они начали работать над большим музыкально-драматическим действием «Деревенская свадьба»... И сколько могло бы быть еще написано, если бы не неожиданная смерть композитора. Ему было всего 35 лет.

Наталья СУРКОВА

Валерий Брюсов, по свидетельству современников, был в жизни человеком, что называется, «застигнутым на все пуговицы», холодным, сдержанным и даже несколько высокомерным. Он был человеком порядка, дисциплины, можно сказать, был педантом. И именно этот человек, как ни парадоксально, основал и возглавил одно из наиболее «хаотических» течений русской литературы, представители которого провозглашали туманные мистические переживания, декадентскую изломанность, поэтическую аморфность.

В сущности, Брюсов был «неоклассиком», а волей случая стал вождем «неоромантиков».

Трезвый, здравомыслящий, необычайно работоспособный, он противопоставил прихотливому артистическому произволу железную волю поэтического труженика:

Вперед мечта, мой верный вол!

Неволей, если не охотой!

Я близ тебя, мой кнут тяжел,

Я сам тружусь, и ты работай!

Найтию он противопоставил, по определению другого поэта, «хищный глазомер простого столяра».

Брюсов считал, что поэзии, как и всякому искусству, надо учиться, он утверждал, что поэзия, как и любое искусство, в основе своей опирается на «ремесло», которое можно изучить, которым можно, приложив усилия, овладеть. Поэтому так много он писал о теории стиха, о метрике, о технологии поэтического дела. Воскликание М. Цветаевой: «Ремесленник, я знаю ремесло», — конечно же, вырвалось не без влияния взглядов Брюсова.

Пренебрежение к форме, к мастерству, к художественным навыкам культивировалось и до него и в его время представителями его же «символизма», ставившими во главу угла импрессионистическую «зыбкость» и недосказанность.

Брюсов требовал сознательного отношения к творчеству, «волевого».

Влияние Брюсова в этом смысле сказалось на целом поколении русских поэтов. Даже далекий по своей манере от Брюсова Есенин называл его своим учителем именно за то, что этот строгий ревнитель мастерства «внес... струю свежей и новой формы».

ПОЭЗИЯ БРЮСОВА

Ночь.

Вспомни лишь один
Из прошедших дней
Простой твой час
Из стесненной комнаты твоей.

И в тишине твоей
Из прошлого
Мне придет воспоминание
О тебе и о твоих делах.

Моя и твоя жизнь
На земле твоей, о тебе,
Моя жизнь из твоей жизни
И в жизни твоей.

Моя жизнь твоя
Моя жизнь твоя
Моя жизнь твоя

Человек энциклопедических знаний, Брюсов требовал от поэтов широкой культуры, могучей образованности. Впервые в мире им был организован в России, уже советской, институт для писателей, который дал много славных имен нашей литературе.

Брюсов чувствовал, что на него выпала миссия передать знания, накопленные старыми поколениями, новым людям, пришедшим из глубин жизни народной.

Когда-то он писал:

А мы, мудрецы и поэты,

Хранители тайны и веры,

Унесем зажженные светы

В катакомбы, в пустыни, в пещеры.

Но получилось иначе: факел знания, факел мировой культуры был передан в молодые и крепкие руки людей из народа, с жадностью поглощавших в стенах брюсовского литературного института «тайны» веков.

Брюсов оказался посредником между двумя эпохами в жизни русской литературы.

Внешне строгий олимпиец, ушедший, казалось, мыслью в историю, он требовал от поэта жить сегодняшним днем, болью своего времени:

Пусть боги смотрят безучастно

На скорбь земли: их вечен век,

Но только страстный прекрасно

В тебе, мгновенный человек!

Сам поэт в последние годы из всех сил старался жить интересами страны, мучиться ее нукани, радоваться ее радостями.

Молодой Борис Пастернак на пятидесятилетнем юбилее Брюсова, выражая чувства всей литературной молодежи тех лет, отметил его колоссальное значение для дела воспитания литераторов. Идея в виду требование проверять вдохновение точным расчетом, Пастернак писал, обращаясь к старому мастеру и учителю: «Вы... линейкой нас не умирать учили».

Евгений ВИНУКОВ

Четвертая звуковая страница. Валерий Брюсов читает два стихотворения: «Египетский раб», «И в наших горах...» Комментирует звуковую страницу Лев Шилов.

ИСКУССТВО АКТЕРЫ БЫТЬ И РОЛИ СТРОПТИВОЙ

На просцениуме — молодой человек в костюме XVI века. В микрофон он спешит уведомить зрителей, что бессмертная комедия Вильяма Шекспира «Укрощение строптивой» начинается и что «хоть стар ее сюжет, как мир, но вечно актуальна пьеса».

— Труд театра в чем-то сродни труду геолога: нужно найти тот пласт, что нужен сегодняшнему дню. А Шекспир много слоен... — так говорит главный режиссер Театра Ленсовета, постановщик спектакля Игорь Владимиров. — Шекспир-актер не чурался сам играть на площади, видимо, приправляя игру крепкими словечками в духе простолудинов. Мы шли от этого Шекспира...

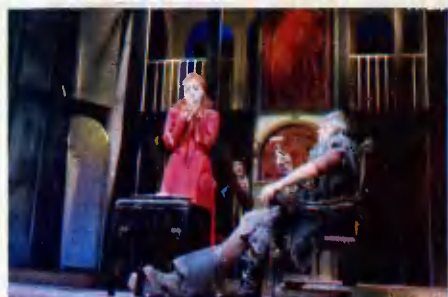
Балаган, комедия масок, эксцентриада, цирк, мюзикл — чего только нет в новой версии знаменитой комедии!

Конечно, занятно, когда молодые лоботрясы шестнадцатого века выходят на сцену с портативным магнитофоном, а проворный слуга орудует пистолетами на манер голливудских ковбоев, но, обряженный стилистически в одежды моды XX века, спектакль интересен и злободневен иным — спором идей, концепций.

Этот спор ведет театр, актеры, и в первую очередь Алиса Фрейндлих — Катарина. Ее Катарина не просто взбалмошная, строптивая, балованная дочка богатого купца (и так прочитывают Шекспира!). Это личность. Необычная, яркая, умная. Катарина Фрейндлих на сцене в постоянной борьбе. В борьбе со скукой, ханжеством, глупостью. В постоянном желании перетряхнуть этот нелепый мир.

Такая Катарина интересна. В ней угадывается и наша современница, но просматривается и сама Алиса Фрейндлих, по справедливому приговору критики,

азванная в числе «главных лиц современной сцены».

...Зал смеется. Одна сцена спешит сменить другую. Нравится Петруччио — Барков, сияющий как-то слишком громко доказать, какой он настоящий мужчина. Нравятся все эти Бенволио, Грумио, Кранио, Люченцо, Винченцо — поющие, танцующие, потешающиеся друг над другом. Но ярче всех, ослепляя глазами-софитами и огненно-рыжим париком, изящная бешабашная Катарина.

Уже после окончания спектакля в артистической уборной Фрейндлих ищу слова и выдавливаю банальное, но искреннее:

— До чего же вы были красивы!

— Да? — По-женски радуясь, довольно глядит на себя в зеркало. — Это я-то?

Смешно кривит нос и сдерживает огненно-рыжий парик Катарина.

— Что в Катарине — от вас, что — от Шекспира?

Актриса медленными, остывающими движениями снимает грим.

— Если я не нахожу в себе аналогии с персонажем, у меня ничего не получается. Должна быть хотя бы маленькая, но точка соприкосновения. Человек разнообразен, в нем все намешано — и дурное и хорошее... И вот я «откапываю» в себе то, что нужно для роли. Вообще-то актерская судьба — самовыражение, исповедь изо дня в день. Но не самодемонстрация. Расхожая истина: интерес к актеру обусловлен тем, насколько нам интересна его личность. Но ведь сама личность шлифуется жизнью, многообразием переживаний. Как это ни горько, в ровном благополучии судьбы нет материала для актерского переживания.

...Есть внешние обозначения судьбы человека — его биография. Есть внутрен-

*На восьмой звуковой странице
нашего журнала*

народная артистка РСФСР

Алиса Фрейндлих —

*о Шекспире и Катарине,
о мужчинах и женщинах.*

*Музыку к спектаклю
написал композитор*

Г. Гладков.

**Фото А. Маркова
и А. Лидова**

няя грань этой биографии — жизнь ума, жизнь сердца...

У Алисы Фрейндлих отец и мать, бабушка, тетя, дядя — все из театра и с театром. Театр и в жизни Алисы не был входящим явлением. Пристрастие к нему вошло в возрасте несознательном: даже куклы ее были актерами на ампула... Затем война, голодные блокадные годы, вареный клей как шанс выжить и страшная память, которая много лет спустя сделает ее героинь такими до боли узнаваемыми...

Потом — театральный институт, театр. Пристрастие со временем перестало быть просто увлечением, стало профессией, главным делом.

— Актерская исповедь, — продолжает размышлять Алиса, — из своей «шагреневой кожи» вызывается. И хотя сложная судьба — не такое уж редкое явление, однако не каждый ведь становится... актером, верно? Тут еще нужно «бесстрашие» в исповеди, умение идти в ней до конца.

Актриса варьирует эту тему и дальше, обходя, однако, все личные моменты. И я понимаю, что исповедь на сцене и исповедь в жизни — вещи разные...

Было бы неправильно думать, что актер живет в каком-то ином измерении. У Алисы — семья, муж и дочь, дом. Вспоминаю комнату в ее доме — стены в книгах, рояль («мои родные хотели сделать из меня сначала балерину, потом певицу, я даже поступала в консерваторию»), какой-то предпраздничный, а может быть, просто, как говорят, «артистический» беспорядок («мечтаю когда-нибудь поставить все вещи на свои места»).

— Работаю долго и трудно. Если бы режиссер меня не знал, он, верно, с третьей репетиции снял бы меня с роли. А меня нельзя торопить. Я бую, бую... Иногда почти до премьеры. Нашуываю. Сознание наше устроено так хитро, что в «загашнике» у него много чего хранится. И в нужный момент всплывает. Главное — в спешке не соврать. Одна фальшивая нота вызывает цепную реакцию лжи, могу потом вообще не найти правду. Что помогает в работе? Чувство юмора. Что тревожит? Приходит мастерство — уходит непосредственность.

И испытующе:

— А как сегодня было? Понятна наша театральная версия шекспировской Катарина?

Вспоминаю свой первый вопрос:

— Что в Катарине — от вас, что — от Шекспира?..

Л. ЗАКОШАНСКАЯ,
специальный корреспондент
«Кругозора»
г. Ленинград

Геннадий ЖАВОРОНКОВ,
участник совещания молодых писателей Москвы

Вода больше не прибывала, оставив на земле три квадратных метра сухой площади. А если учесть, что рост мой шестьдесят девять, а объем грудной клетки восемьдесят восемь сантиметров, то оставшегося куска земли было вполне достаточно, чтобы не плавать по палатке вместе с обгоревшими спичками и пустыми сигаретными коробками. У меня даже было окно, через которое я мог бы глядеть на белый свет. И я бы глядел, если бы не туман, сквозь который, сколько ни смотри, все равно ничего не увидишь. Сырой и холодный воздух раст-ворил все в округе на добрых пять километров...

Дождь начался через два дня, как ушли геологи, оставив меня сторожить лагерь из трех палаток и дистрофичную лошадь Марту. Через два дня начался дождь, и из трех палаток осталась одна, а из месячного запаса продуктов — банка тушенки, которую я не доел накануне и поэтому не отнес ее в склад под навесом...

Дождь начался ночью и как-то внезапно. Так внезапно, что я не успел даже понять как следует в первые часы, что же случилось... И вот теперь мне оставались лишь три метра сухой земли и привязанная к дереву Марта, не понимающая ничего, сующая свою чаклую морду в окно моей палатки.

В первый же день, как только кончился дождь, я попытался пойти на поиски поселка, который должен был лежать, по идее, где-то километрах в пятидесяти от нашего лагеря. Но кругом была вода, и я смело шагал по ней, пока ее уровень не достиг краев моих выдавших виды сапог. Дальше начиналась запретная зона: кругом ничего не было видно из-за тумана, и никто не мог сказать, сколько воды вокруг. Оставив все попытки выбраться, я решил ждать, пока за мной не приплывут или не прилхнут с базы вертолет. Меня, конечно же, начнут искать. И первым местом, куда они заглянут, будет лагерь.

Вначале я еще вылезал из спального мешка и бродил, смачно чавкая водой и грязью. Бродил и вспоминал ворчливого завхоза дядю Яшу, который обозвал нас гнусными лодырями из-за того, что мы не срыли бугор в углу нашей палатки. Я думал о том, как порой весьма неразумное делается весьма разумным и что было бы со мной, послушай мы тогда дядю Яшу и скопай этот могилообразный бугор. Я думал о том, какие мы были все дураки, что не хотели спать в этом углу и каждый раз за-тевали возню из-за места, хотя палатка была человек на двадцать, а жили мы в ней шестером...

Я думал и говорил. Я ощущал физическую потребность говорить с кем-то. И говорил сам с собой и с унылой Мартой, жу-ющей листья с дерева, к которому она была привязана...

Я ждал вертолет в тот же день, как кончился дождь. Потом — на следующий день. Потом еще на следующий, хотя и пони-мал, что сквозь такой туман не пробраться ни одному вертолету.

Свою недооцененную банку тушенки я растянул на три дня. И не так уж и мучился голодом, пока не отполировал языком жест банки до зеркального блеска. Потом стало хуже. Я уже не вставал и даже не высовывался из своего спального мешка: за водой надо было только протянуть руку, а вне палатки мне делать было нечего...

ТРЕТИЙ СЕМЕСТР

Я лежал и глядел на пустую банку. Мое отражение в ней было похоже на морду Марты, а еще, если прищуриться, на яблоко. Я глядел на себя в банке и вспоминал институт. Я вспоминал и думал: какой я был дурак, что вместо законных каннку уезжал в экспедицию с геологами.

Потом я услышал раздражающее меня чавканье и выглянул в окно. Марта поглощала мокрую буханку хлеба, которая неизвестно как приплыла к ней. Я вышел из мешка и подошел к лошади. Увидев меня, Марта повернулась ко мне крупом и угрожающе выставила копыто. Я попытался пренебречь ее угрозами, но копыто метнулось перед самым моим носом, обдав меня ледяной водой. Я отошел, раздумывая о том, что, вероятно, это и справедливо, ибо хлеб нашла сама Марта. Я побродил в пределах возможного возле палатки в надежде найти еще хоть что-нибудь. Но ничего не было. Марта между тем доела хлеб и глядела на меня не так уж агрессивно. Я подошел к дереву и, сорвав остатки листьев, стал жевать. Марта глядела на меня осуждающе, но не мешала. Листья были горькие, отчего все небо вздулось сразу же какими-то буторками. Я выплюнул зеленую кашицу и ушел в палатку.

От того, что я вымок, а мешок мой остыл, голод стал еще более мучителен. Я проклинал себя, геологию и эгоистичную Марту, заставившую меня покинуть палатку и слопавшую в одиночестве целую буханку хлеба. Внезапно в голову мне пришла мысль, которая почему-то не приходила раньше. Ведь у меня была Марта, которую можно было убить и мяса которой хватило бы мне надолго. Ведь у меня была печка, на которой можно было зажарить Марту. Но мне вспомнилось детство, когда у меня был кролик, за которым я ходил, как за младшим братом. Потом кролик вырос, и всем от него не стало покоя. Тогда-то наш сосед Степан Захарыч и зарезал его тайком от меня, а мать сварила из кролика суп. Узнав про все, я долго плакал, ненавидя их. Мне казалось, что если они способны на это, то, весьма вероятно, способны в крайней нужде съесть и человека.

Я прогнал мысль об убийстве Марты как мерзкую и недостойную человека. Но через полчаса она вернулась ко мне вновь и, как назойливая муха, вертелась и вертелась, жужжа одно и то же. А еще через час я встал и, отыскав заступ, вышел из палатки, хлопая сапогами.

Марта стояла все там же и, увидев меня, осуждающе заржала, решив, наверное, что я пришел за ее корой и за ее листьями. Я подошел ближе и отвел за спину руку с заступом. Глаз Марты, черный, внимательный глаз, глядел на меня удивленно и изучающе. Потом она словно поняла что-то и рванулась. Но уздечка из вяленной кожи прочно держала ее у дерева. Она вдруг ослабла, склонила морду, поставив покорно свой впалый висок с белой звездочкой.

У меня дрогнули руки, и заступ мой шлепнулся в воду. Я потрепал морду Марты и сказал с интеллигентной галантностью:

— Зря трусишь, старуха. Разве я способен обидеть женщину? Но Марта все еще не верила и глядела на меня все так же покорно и безропотно. Я отвернулся и ушел в палатку.

Чуть согревшись, я похолодел, вдруг вспомнив, как все ругались, а больше всех дядя Яша, что нам подсунили жеребую

лошадь. Они говорили про Марту. А я хотел ее убить. Но я не убил ее, и мне стало спокойно. Неожиданно я заснул.

Проснулся я оттого, что мне приснилось, будто я ел Марту. Мне почему-то думалось, что, будь Марта не лошадкой, а коном, мне намного бы легче было сделать ЭТО. Потом я подумал, что я могу решить для себя, что Марта — это конь или что вообще-то могли кое-что напутать и назвать коня Мартой.

«Ну, конечно же! — думал я. — Это конь, и дядя Яша напутал, и все напутали. И это вовсе не Марта, а Вихрь, Борька, Пегий».

Я настолько убедил себя в этом, что попытался встать и пойти, чтобы убить Вихря, Борьку, Пегого. Но в это время Марта заржала, и все мои построения рухнули, как сгнившее на корню дерево. Ржание было тоскливое и очень женское.

Я стал думать, почему ее прозвали Мартой. Наверное, потому, что она родилась в марте. Я тоже родился в марте. И в это было что-то щемящее близкое. Слово те, кто родился в одном месяце, были связаны незримыми узами природы. Слово — мартовская кровь — это одно, а июньская — это уже другое.

Я опять попытался заснуть, и мне снился или просто увиделся мой институт, в котором было тридцать шесть колонн и тысяча двести подпорок; подпорками сами себя называли студенты. И сколько бы человек ни кончало институт, все равно всегда было тридцать шесть колонн и тысяча двести подпорок. Потому что всегда приходило столько же, сколько и уходило.

Я вдруг подумал, что в сентябре в институте что-то изменится. Там будет по-прежнему тридцать шесть колонн, но всего сто девяносто девять подпорок. И институт от этого не рухнет — единица она и есть единица, и ничего она изменить не может.

Я с трудом вышел из мешка и, пошатываясь, побрел к лошади. Марта уже обгрызла кору и добралась до ствола. Я потрепал ее морду и развязал узел уздечки. Марта была свободна. Не оглядываясь, я ушел в палатку. Я долго не мог влезть в спальный мешок и не знал почему. Потом я увидел, что лезу в него в сапогах. Я очень удивился, снял сапоги и, наконец, добрался до своего тряпичного дома. Наверное, я очень устал, потому что забытые сразу же закружило мне голову, как только я вытянул ноги. И стало тепло, уютно, хорошо...

Мне приснилась моя палатка с раскаленной от жары печкой. Я вышел из нее и удивился: кругом не было воды. Кругом было солнце. Это оно разлилось вокруг моей палатки желтым, брызжащим теплым морем. Я шагнул в это разлитое солнце, но оно оказалось мелким. И я шел по нему, утопая лишь по щиколотку, и брызги от моих шагов искрами разлетались вокруг.

Резкий запах кольнул мое сознание, кто-то плеснул в меня солнечной водой, отчего мне стало невыносимо жарко. Я рванулся и услышал издали чей-то голос:

— Наверное, заморз...

А другой голос, более мягкий и ласковый, возразил:

— Нет, это от голода...

— От голода? Но у него же была печка и лошадь. Вон она под деревом торчит...

Лошадь... Я увидел Марту и рядом с ней жеребенка. Они шли ко мне по солнечному морю доверчиво и спокойно.

ВСЕ ВРЕМЯ СНАЧАЛА

Пленка начала прокручиваться. Сквозь помехи слышался отрывок далекого разговора на английском языке. Собственный корреспондент Советского телевидения и радио Юрий Солтон звонил по просьбе «Кругозора» Вану Клиберну из Вашингтона и спрашивал его о победителе международного конкурса пианистов в Форт-Уорте москвиче Владимире Виардо. Ван Клиберн: «Виардо — очень сердечный, излучающий теплоту и доброту человек. Мы испытывали не только влияние его игры, но и обаяние личности. Это очень важно для артиста. И конечно, он чудесный музыкант, доставивший всем нам огромное удовольствие, когда выступал в Техасе и Нью-Йорке. Дебют его у нас был прекрасен...»

...Вспыхнувшая и оборвавшаяся нитка телефонного разговора где-то за тридцать земель. А в Москве темно-сырой февральский вечер в старых Кисловских переулках, точно сбегающих на свет высоких венецианских окон консерватории.

— Нашли? — спросил Виардо, открывая дверь, через которую была видна афиша техасского турнира. Интервью началось как-то без начала. «Форт-Уорт был в минувшем сентябре, — сказал Виардо, закрыв крышку рояля. — Тяжелый, большой, но близкий мне конкурс...»

— Чем?

— Требованием пианистического универсализма. Во втором туре, например, нужно было сыграть одно из четырех фортепианных трио Бетховена, Брамса, Шуберта или Равеля, проявить себя как ансамблиста.

Я заметил, что игра на конкурсе связана со специфической публикой.

— Специфика американской аудитории доставляла мне некоторые хлопоты. Исполнитель обычно знает, в какой момент у зала вдруг «вырастают уши» и обостряется внимание. А там это происходило в необъяснимых местах. Западноевропейский слушатель поискуснее, а наш и рафинированнее. И тем не менее я не хочу отрешиться от «демократизации» музыкального материала, поскольку люблю публику, играю для нее.

В ритме разговора ощущался цейтнот, рояль был покинут не более чем на полчаса. Работа стояла.

— Разучивая даже самые легкие вещи, я совершаю путь от третьего класса музыкальной школы до консерватории. А сама работа напоминает процесс проявления пленки, когда образ вырисовывается постепенно.

— Музыкальные образы представляются вам и зрительно?

— Да. Но не сюжетно. Линия, окрашенные полосы, просто цвет. Иногда мне кажется, что во время игры я несу в себе ощущение неразбившейся морской волны.

— Откуда это ощущение? Не биографического ли характера?

— Пожалуй. Вообще образный строй часто связан у меня с морем и волнами. Дело в том, что я вырос около сочинского

моря. — Виардо поторопился досказать: — Образ — это лишь род зацепки, рациональной или эмоциональной. Он только помогает подобраться ближе к главному, к самой музыке.

— Как вы начали заниматься музыкой?

— ...По существу, в раннем детстве, дома, затем в запорожской музыкальной школе, но главный этап наступил в Москве, когда после учебы в Гнесинском училище у И. И. Наумовой я перешел в консерваторию к профессору Л. Н. Наумову — человеку концентрированнейшего духа. Учеба — это и концерты Рихтера, Аррау, это и домашние беседы с другом — своего рода постоянный разговор, преломляемый снова и снова в музыке.

Т. ДМИТРИЕВ

На девятой звуковой странице В. Виардо исполняет пять «Мимолетностей» С. Прокофьева.

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ЛУЧИ ПЛАНЕТЫ

Однажды он сказал: «Мы представляем современные ритм-н-блюз». Было это произошло в те времена, когда Джон Леннон был руководителем популярного ансамбля «Четырех рабочих» парней. И хотя поклонники современной джазовой музыки могли отнести эту фразу к музыкальным номинациям стиля, Леннон вкладывал в нее иной смысл, который он расшифровывал и в своих заявлениях и в своем творчестве.

Современный взгляд молодого человека на мир — это пристальное внимание к жгучим проблемам сегодняшнего дня планеты, к глубоким проблемам западного общества.

О Ленноне часто пишут: «Рабочий парень из Ливерпуля, он остался им». Да и биография Джона Леннона продиктовала одаренному музыканту и поэту-сатирику многие слова его песен.

Первую гитару он купил на свою зарплату рабочего-строителя. И в этом впервые соединились его рабочая жизнь и искусство.

Вскоре увидели свет сатирические поэмы Леннона, в которых он едко высмеивал «английское государственное устройство».

Путешествуя по миру с ансамблем, снимаясь в фильмах, Леннон видел не только переполненные концертные залы и кинотеатры, рукоплескавшие своим любимцам. Леннон всматривался в мир, где бушевали другие страсти. Всматривался и не скрывал своего отношения к событиям.

Расизм? Леннон и его друзья заявляют: «Мы не собираемся ехать в Южную Африку или какое-либо место Соединенных Штатов, где существует сегрегация аудитории».

Военная истерия? Леннон поет в Торонто свою песню «Дайте парню шанс» — своеобразный гимн антимилитаризму.

Связи с коммунистами? Молодые музыканты не боятся нападок реакционной прессы. Они с удовольствием дают интервью органу британских комсомольцев журналу «Челленджер».

Когда в 1971 году ансамбль распался и Леннон стал выступать самостоятельно, его позиции остались неизменными. Вслушайтесь даже в названия его песен — «Власть народу!», «Герой рабоче-

го класса», «Ничие духов», и вы ощутите их гражданский пафос.

Трагедия Северной Ирландии, жестокость американских тюремщиков стали темами, полными гневом, гордостью песен, сложными Ленноном. Эти песни собраны в музыкальном альбоме «Как-то в Нью-Йорке».

На одиннадцатой звуковой странице журнала вы услышите две из них.

Первая — «Ирландское счастье». Ее поет Джон Леннон со своей женой Йоко Оно.

«Страна, поражающая красотой, разорвана в клочья. Почему здесь британские солдаты, убивающие ирландцев и причиняющие при этом «О нам боги!»

Вторая песня — песня «Нью-Йорк» — своеобразный автобиографический репортаж о путешествии самого Джона Леннона по этому городу — огромному нагромождению зданий, людей, неразберихи и отчужденности...

Интер ТЕМПЕСТ,
английский публицист

РАБОЧИЙ ПАРЕНЬ ИЗ ЛИВЕРПУЛЯ

ЗНАКОМСТВА: «ПОЮЩИЕ СЕРДЦА»

На протяжении последнего времени мне довелось слушать целый ряд записей в исполнении вокально-инструментальных ансамблей. Мое внимание привлекла работа молодого коллектива «Поющие сердца». Привлекла своим тактичным и творческим отношением к песне, профессионализмом.

Ансамбль — десять молодых музыкантов. Руководит ими Виктор Векштейн. «Поющие сердца» с увлечением работают над современным репертуаром, стараясь находить в исполнении песен свое творческое решение. Музыканты придают особое значение вокальной и инструментальной аранжировке песен.

За последнее время укрепились связи ансамбля с композиторами и поэтами. Это содружество даст свои плодотворные результаты. «Поющие сердца» стремятся, чтобы песни репертуара были разнообразными. Поэтому их привлекают и более сложные музыкальные формы, которые дают возможность выйти за обычные рамки песенного изложения.

Проблемы, связанные с деятельностью наших вокально-инструментальных ансамблей, существуют и, естественно, далеко не все решены. Но сдвиги в сторону творческого роста этих коллективов, бесспорно, имеются. Главное то, что многие из них отходят от чисто формальной ритмической формы исполнения и стараются средствами, имеющимися в их распоряжении, идти по пути раскрытия самого главного — выражения содержания музыкального и поэтического материала. Ансамбль «Поющие сердца» молодой. Признанием его творческих достижений явилось присуждение звания лауреата Всесоюзного конкурса артистов эстрады.

Вперед у ансамбля — упорная работа, поиск новых творческих решений, и в этом залог его будущего.

Оскар ФЕЛЬЦМАН,
заслуженный деятель искусств РСФСР

голоса большой жизни

4 (121) апрель 1974
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ
Год основания — 1964

слушайте

в

номере

© ИЗДАТЕЛЬ:
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ СОВЕТА
МИНИСТРОВ СССР
ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ
И РАДИОВЕЩАНИЮ
1974 г.

На первой странице
обложки:
«В мире профессий.
Строители».
Художники
Т. и Б. Сопины

Режиссер
Н. П. Субботин
Художник
А. Г. Луцкий
Техн. редактор
Л. Е. Петрова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Сдано в набор
28. II. 1974 г.
Б 04904 Подп. к печ.
15. III. 1974 г.
Формат 60x84 1/12
Усл. п. л. 1,24
Уч.-изд. л. 2,03
Тираж 500 000 экз.
Заказ 1889. Цена 1 руб.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской
Революции типография
газеты «Правда»
имени В. И. Ленина.
125865, Москва, А-47,
ГСП, ул. «Правды», 24

1. «Нурек — моя биография». Хроника стройки и жизни экскаваторщика Ф. Ашуралиева.
2. «Что дает армия человеку» — генерал И. Лисов обращается к юношам и их родителям.
3. Олимпийский чемпион В. Борзов — на звуковой дорожке «Кругозора».
4. В коллекцию редких записей. Читает Валерий Брюсов.
5. Сорок лет спустя. Алексей Сурков — о песнях Александра Давиденко.
6. Голос океана. Рассказывает Тур Хейердал.
7. Поет Лидия Русланова. «Извозчик», «Очаровательные глазки» и «Частушки».
8. Алиса Фрейндлих в «Укрощении строптивой» В. Шекспира.
9. Пианист Владимир Виадро играет «Мимолетности» С. Прокофьева (запись «Кругозора»).
10. Ансамбль «Поющие сердца»: «Учитесь слушать тишину» (О. Фельцман, А. Богословский); «Ты любовь моя безответная» (А. Мелитонян, Л. Ошанин).
11. Джон Леннон (Англия): «Ирландское счастье», «Нью-Йорк».
12. Поет Иосиф Кобзон: «Мелодия» (А. Пахмутова, Н. Добронравов); «Старый марш» (Л. Лядова, М. Владимиров).

Пишите
нам
по адресу:
113326, Москва,
Пятницкая, 25,
«Кругозор»

Звуковые страницы
изготовлены Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия»
и Государственным Домом
радиовещания и звукозаписи

МАСТЕРА СОВЕТСКОГО ИСКУССТВА

Судьба подарила мне и моей семье дружбу с большой советской артисткой Лидией Андреевной Руслановой. Мы годами встречались у нас дома и в доме Руслановой. Дружили наши дети. И Лидия Андреевна многое рассказывала нам о своей жизни.

Она родилась в бедной крестьянской семье в Саратовской губернии в 1900 году. Отца взяли в солдаты, мать умерла. Осиротевшая девочка попала в приют в губернском городе. Изредка ее навещала бабушка, приносила нехитрое угощение и ласкала внучку. Уже в отрочестве голос и слух у Лиды оказались такими, что ее сразу включили в церковный хор. И очень скоро на окраине Саратова горожане говорили друг другу: «Пойдем ко всенощной, послушаем сироту...»

А судьба Лидии Андреевны развивалась обыденным путем: кончились годы пребывания в приюте, и пошла девушка работать на фабрику — куда еще идти воспитаннице «благотворительного» заведения в дореволюционной России?..

После Октябрьской революции, как и многие другие выдающиеся деятели нашего искусства, Лидия Андреевна начала свой творческий путь в художественной самодеятельности, в клубном хоре. Но с такими данными — глубокое и красивое контральто, дарование драматическое и музыкальное — долго в хоре не засидишься, да еще в самодеятельном. Уверен, что именно поэтому сначала Ростов-на-Дону, а затем и Москва услышали певицу Русланову. Лидия Андреевна с первых своих шагов не повторяла ничего репертуара: понимание народного искусства позволило ей сразу же обратиться к русской песне. Слушатели безоговорочно приняли глубоко народный стиль Руслановой.

ПЕСНЯ РУССКАЯ

Невозможно было без волнения слушать, как Лидия Андреевна неторопливо «вышивала» узор печальной старинной песни, как она искусно выстраивала короткую песенную фабулу любовной драмы. С каким озорством пела она частушки, или, как их называют в ее родном Саратове, «страдания».

В творчестве Руслановой важное место занимали и советские песни. Иные из них, например, «Партизан Железняк», я это хорошо помню, были впервые введены в репертуар нашей эстрады, нашего радио именно Лидией Андреевной. Одной из первых она пела и «Катюшу». Но и эти современные песни звучали в такой подлинно народной манере, что воспринимались нами как фольклор сегодняшнего дня!

Более полувека выступала певица. Она объездила всю страну. Ее голос звучал из радиоприемников и с экранов кино и телевидения. Тысячи, десятки тысяч зрителей видели и слышали ее на стадионах, в эстрадных концертах.

До конца жизни овация зрительного зала постоянно встречала величавую женщину в старинном русском крестьянском костюме, за которой уважительно, скромно отступая, шел человек с баяном или «саратовской гармошкой со звонками».

Один концерт следует особенно отметить: находясь во фронтовой бригаде в мае 1945 года, Русланова пела сперва в самом здании рейхстага в Берлине, а затем — на площади перед ним. И в этом была своя символика — русская песня дошагала с нашими бойцами до Берлина. Виктор АРДОВ

На седьмой звуковой странице вы услышите редкие записи Л. А. Руслановой. Старинная шуточная народная песня «Извозничек» и романс «Очаровательные глазки» вышли на грампластинках почти 40 лет назад, веселые частушки звучали в Колонном зале в конце сороковых годов и сохранились в трансляционной записи.

ИОСИФ КОБЗОН

12

ЭСТРАДА ПЛАНЕТЫ

Трудно найти уголок в нашей стране, где бы не побывал с концертами Иосиф Кобзон. Его везде считают своим: в Средней Азии и за Полярным кругом, в Сибири, в Дагестане. И когда задумываешься над причинами его успеха, то понимаешь: дело не только в мастерстве, но и в любви певца к своим слушателям, в его преданности героям песен.

Помню, как в тайге, перед строителями, прямо на берегу реки, пел в черном накомарнике Иосиф Кобзон. Он пел вдохновенно и гордо, и казалось, не только люди, но и вековые таежные сосны с уважением и признательностью слушали его голос. Мы выступали с ним у строителей и летчиков, у солдат и пионеров, в палатках таежного Усть-Илима и солнечного Артека, в Ангарске и Кургане. И поверьте, везде, даже на импровизированной встрече где-нибудь у костра, в присутствии 15—20 зрителей, Иосиф Кобзон пел так же, как он поет в Кремлевском Дворце съездов или Колонном зале...

А не так давно он кочевал на вертолетах вместе с геологами, выступал перед нефтяниками во время обеденных перерывов, допоздна засиживался со строителями. И как приятно было слышать: «Кобзон навсегда прописан в нашем Тюменском крае».

В творческом отношении певец стал строже, если можно так выразиться, придирчивее к себе. Углубился образ его героя. Если в первые годы своих выступлений на эстраде песенный герой Кобзона был просто славным парнем, романтиком, увлекающим слушателя своей юношеской влюбленностью в жизнь, то сейчас вместе с мастерством пришла к певцу и зрелость художественного образа. Кобзон, как всегда, поет много и хорошо. Но, пожалуй, лучшие работы Кобзона — это «Журавль» Гамзатова и Фрейкеля, «За того парня» Рождественского и Фрадкина. В этих неброских, но прекрасных своей глубиной песнях полнее всего и раскрывается исполнительский облик сегодняшнего Кобзона, певца серьезного и вдумчивого, исповедующего в своем творчестве высокие гражданские и нравственные идеалы.

Александра ПАХМУТОВА

Цена 1 руб.